

СУДЬБУ ТВОРИМ САМИ

* Главное — не где ты живешь, а как живешь. В этом убеждает судьба актрисы...

В ТОТ ВЕЧЕР она не была занята в спектакле, и, когда в антракте публично чинно проследовала в фойе, я увидела ее энергичную, живую фигуру в глубине служебного коридора. Она шла навстречу, приветливо улыбаясь, и строгие линии делового, в обтяжку, костюмчика только подчеркивали ее женственность, хочется даже сказать, домашность, располагавшую к доверительному общению.

— Вот так и бывает. Вроде бы вечер свободный, а тянет сюда нужда. Завтра в Свердловск вызывают на счет репертуара следующего сезона. Надо кое-что приготовить. Едем директор театра и я.

Вернулась она на второй день одна. Директор задержался по предгастрольным делам, и с утра она восседала в его кабинете, решая многочисленные дела.

— Она ведь не административный работник — актриса? — пробовала я удивиться, но мне удивляться не дали: что же, мол, непонятного, за двадцать-то лет в этом театре она все здесь лучше, чем кто-либо, знает. Да и секретарь партийной организации, привыкла быть в гуще дела.

Елизавета Михайловна, действительно, управлялась споро и энергично: отвечала на многочисленные звонки, давала поручения. А вечером был спектакль — главная и весьма сложная роль, требующая немалой отдачи. И надо было еще успеть отдохнуть, чтобы выйти к зрителям бодрой и свежей. Ради счастья играть актер живет. Сюда, на сцену, он несет свое лучшее, главное.

Быт городского театра не легок, жизнь его часто идет с перепадами, слишком во многого зависит от смены режиссеров и административных руководителей, от текущих труппы. Но театр ведь — это не только стены, не просто вывеска. Это прежде всего традиция, в каждом городе своя ощути-

мая неповторимость связей со зрителями. Это та душа театрального коллектива, которая всегда найдет способ заявить о себе — в целом спектакле, в какой-то актерской работе. Думаю, не ошибусь, если скажу, что с Елизаветой Степановой на сцене Серовского театра связана линия утверждения сильных и сложных характеров, сильных страстей. Не потому ли, хоть виделись мы не часто, мне хорошо запомнились эти встречи.

Когда я впервые увидела ее на сцене семь лет назад, о ее собственной судьбе я еще ничего не знала. Сама она скромно молчала. Что тут рассказывать? Живет, как все, любит театр, старается работать честно. И все-таки было в этой женщине что-то такое, что заставляло пристальнее взглянуться в нее. Откуда в ней столько щедрости к людям, столько энергии, оптимизма? Такого, что идет не от незнания жизни. Наоборот. От трезвого, четкого к ней отношения. От осознания, что нет, не должно быть безвыходных ситуаций. Во всяком случае, — человек должен и может сделать и изменить многое.

И лишь совсем недавно, когда в театре и городе отмечали «круглый» ее юбилей, я узнала: а ведь она — фронтовичка. И захотелось порасспросить, узнать.

— Собственно говоря, и рассказывать нечего, — Елизавета Михайловна явно старается обойти эту тему. — Начало войны застало меня в Омском театральном училище. Мальчишек наших сразу призвали на

фронт. Мы, девочки, решили идти вслед за ними. Желание наше удовлетворили. Некоторых на радостях послали учиться. Я попала на курсы медицинских сестер...

Думали ли школьники предвоенной поры, что так скоро понадобятся стране их умения разбирать и собирать винтовку, стрелять, прыгать с парашютом, которые приобрели они в Осоавиахиме, в школьных кружках? Елизавета пришла записываться в военный кружок Дома пионеров, чтобы научиться стрелять. Тогда и появилась подружка с совершенно неожиданным предложением помочь драмкружковцам, у которых не хватало мальчишек в массовку спектакля про Павку Корчагина. И она сыграла мальчишку. Так вошел в ее жизнь театр. Но вошел пока ненадолго.

Уже в январе 1942 года она оказалась в санитарном поезде, а затем — в 232-й танковой бригаде, сражающейся на подступах к Сталинграду.

— Я была старшиной медицинской службы. Работа была тяжелая — таскала раненых.

Больше она не говорит ничего, и я не спрашиваю. Все и так ясно. Особенно после того, как я узнала: в 44-м она была списана из армии подругую — настолько была к той поре физически ослаблена и измучена.

В театр из тех омских девчат, кроме нее, никто не вернулся. Трудно сказать, кто из них выжил, как у кого сложилась судьба. Потому она встречала только одну свою бывшую соученицу: на гастролях в Ишиме

зашла за кулисы женщина. Они узнали друг друга, обнялись, вспомнили прошлое.

Сама она пошла в театр сразу, в том же 44-м. Маленькую, худенькую, ее охотно взял Омский ТЮЗ — на роли мальчишек. Сколько она переиграла их для таких же мальчишек, сидящих в зале, стремясь научить их добру, верности в дружбе, храбрости, благородству, умению мечтать! А когда этого стало мало, перешла во «взрослый» театр — Березниковский драматический, где и сыграла одну из своих самых «личных» и самых любимых ролей — разведчицу времен Великой Отечественной Нилу Снижко из «Барабанщицы» А. Салынского.

— Если бы наши драматурги почаще писали такие роли! Кажется, есть в ней все, о чем только может мечтать молодая актриса: и подлинный драматизм, и комедийные краски. Требуется музыкальность, умение танцевать, обаяние. С какой радостью я выходила на сцену в этом спектакле!

Пьесу о суровых законах войны играла женщина, сама познавшая, что такое война. Играла во имя утверждения жизни, которую так любила ее героиня, хотя и пожертвовала ею во имя Родины.

О «Барабанщице» я как зритель могу судить сейчас только лишь по рассказам. Но я хорошо помню другую, тоже заметную, роль Степановой — крестьянки Анны в пьесе З. Тоболкина «Сказание об Анне», которая шла в Серове несколько лет назад. Актриса играла уже не молоденькую девушку, а

зрелую женщину, мать большого семейства, в жизнь которой вошла война и перевернула всю эту жизнь. Она изменила и саму Анну — страшная горечь личных потерь заставила ее шире распахнуть свое сердце людям. На наших глазах духовно рос человек, все полнее осознавший общность со своей страной, своим народом. Актриса утверждала характер, ей близкий, и делала это не только с точным психологизмом, но и с подлинно эпической широтой.

«Сказание об Анне» сыграно уже здесь, в Серове.

— А вы знаете, это всего третий театр в моей жизни. Небольшой список для сорока лет работы! — смеется Степанова, хорошо знающая козевой быт многих своих коллег. — Нет, я не жалею, что столько живу в Серове. Я привыкаю к городам, а здесь мне было всегда хорошо.

Тогда их, новичков, приехало сразу 13. Принял город радушно. Степановой тут же вручили ключи от квартиры. Стали устраиваться, обживаться. И, конечно, работать.

Работы у нее было много всегда. О том, как играла мальчишек, скоро пришлось только лишь вспоминать. На смену им пришли женские судьбы. Она играла ведущие роли в пьесах Бальзана и Чехова, советских авторов. И всегда особенно радовалась, когда доставались характеры женщин со сложной судьбой, характеры непростые. Такие, как Мария Тюдор или Тамкабике из трагедии М. Карима «В ночь лунного затмения».

Нагрузка актера в городском театре большая. Но разве нет в этом и своих плюсов, которые зачастую окупают все огорчения? Актер здесь более универсален, ему приходится пропускать через себя самый разный сценический материал. И я понимаю, почему Степанова считает, что ей повезло. Встретилась с драматургией Н. Гоголя — играла Анну Андреевну из «Ревизора». Сыграла Раневскую в чеховском «Вишневом саде» — тоже из удачных серовских спектаклей последних лет.

Сейчас Степанова, профессионал высокого класса, занятая в спектакле «Дерево умирают стоя» по пьесе А. Касоны, в «Агенте 00» Г. Боровика — одной из последних постановок театра. В пьесе Боровика — снова совсем непривычные творческие задачи. Перед нами политический трагифарс, в котором ей надлежит воплощать жутковато-комическую фигуру одной из руководительниц американской разведки. Бурная энергия Мадам (такова кличка ее героини), утверждающей привилегии американского образа жизни, становится совсем не смешна, когда она собирается осуществить «право» американцев взорвать земной шар. И Степанова успешно совмещает контрастные краски — смешное и страшное, во многом задает тон в спектакле.

Глядя на таких актрис, как она, еще раз утверждаешься в мысли о том, что искусство не делится (да и не может делиться) на «столичное» и «периферийное». Просто оно или есть, или же его нет. Третьего не дано.

Кажется, годы не властны над Елизаветой Михайловной. И говоря это, я вовсе не допускаю знака «юбилейного» превеличения. Ибо человек, находящийся в гуще жизни, не представляющий себя вне ее, долго остается молодым. Гораздо больше, чем те, что чересчур берегут себя.

Степанова в гуще жизни была всегда. Двадцать лет, что она в Серове, она театральный партийный вождь, а это значит, что без нее не обходится ни одно дело внутри театра, что именно на ней лежат многочисленные заботы, связанные с его общественным лицом, с его контактами с жизнью. Как ветеран Великой Отечественной, она ощущает потребность встретиться с молодежью, с ребятами — школьниками, с солдатами-уральцами (и пусть не узнают они, что такое война!). Семь медалей и почетных знаков красноречиво говорят о ее жизни в прошлом и настоящем.

Впрочем, с нынешней армией у нее связь еще и особенно личная — профессию военного избрал сын-офицер. С внуком она недавно ездила на гастроли, потом возила его в Волгоград. Не только потому, что там живут родственники, но и для того, чтобы показать мальчику героический город. Она просто обязана была показать ему все сама.

Порой приходится слышать мнения о неполноценности, скуке жизни в небольших городах. Неправда все это! Каков человек, такова и жизнь у него, это уж точно. И пример Елизаветы Степановой, любимой актрисы серовских зрителей, — еще одно тому подтверждение. Бывая в Москве, она старается посмотреть все самые интересные спектакли — не отстает от театральной жизни страны. Любит читать. Любит музыку.

— Стараюсь почаще бывать у друзей. У них отличные записи, слушаем вместе.

Серов сейчас — ее родной, близкий город. Здесь театр. Здесь зрители, которым она нужна. Здесь друзья — верные, на всю жизнь. Наверное, это и называется счастьем?

Ю. МАТАФОНОВА.

г. Серов.